

Яков Петрович Полонский и его пятницы

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/polonskiy/opochinin_polonskiy.html.

В серенький весенний денек в 1880 году я пришел на свою работу по разборке старого архива графов Шереметевых в их известном дворце, что на Фонтанке. Я только что расположился среди бесчисленных связок запыленных бумаг в одной из комнат над музеем Общества любителей древней письменности, выходящих окнами в сад, как за соседней дверью услышал чей-то оживленный говор. Меня чрезвычайно удивило это, так как соседние комнаты были обычно пусты и молчаливы, в них даже и мебели никакой не было, и они служили чем-то вроде временного склада ненужных вещей. Любопытство мое было возбуждено - я отворил дверь и заглянул в соседнюю комнату. Но там виднелась только спина удаляющегося графа С.Д. Шереметева. Заглянул в соседнюю анфиладу и увидел у окна мольберт, а перед ним, на одиноком стульчике в совершенно пустой комнате, какого-то человека с кистью и палитрой в руке. Расстояние между мной и незнакомцем было порядочное, близорукие глаза мои слабы, и я не мог определить даже приблизительно возраст неизвестного художника. Самое появление его здесь было удивительно: шереметевский круг, весьма замкнутый, не допускал к себе чужаков.

Все бывавшие у графа мне уже пригляделись, а этого человека я никогда не видал. С такой мыслью в голове я подошел к художнику. Шаги мои заставили его обернуться ко мне лицом, и я увидел очень пожилого человека с молодыми мечтательными глазами. Большой широкий лоб его, чуть прикрытый прядями редких русых с проседью волос, был очень красив, а все лицо, довольно правильное, но в то же время и обычное и простое, с усами и редковатой бородкой, поразило меня своим привлекательным выражением. Оно, если можно так выразиться, светилось каким-то особенным мечтательным благодушием.

Я остановился около мольберта и поклонился. Неизвестный художник бережно сложил кисть и палитру на подоконник, тяжело оперся на него и с трудом поднялся со стула.

- Полонский, - несколько в нос сказал он, протягивая мне руку и приветливо улыбаясь.

"Да ведь это Яков Петрович Полонский, автор "Кузнечика-музыканта" и многих, многих чудных стихотворений!" - ахнул я про себя и странно смутился... Мне думалось, что я грубо вторгся к поэту, незванный и непрошенный, нарушил его уединение и помешал его работе. Я кое-как, запинаясь, высказал это, прося извинения.

Яков Петрович чрезвычайно удивился и в свою очередь немного смутился.

- Да чем же вы мне помешали! Я просто пишу с натуры деревья в саду. Теперь весна, лес еще не начал одеваться - самое интересное время, а на натуру ездить я не могу: здоровье и ноги не позволяют, -- он выразительно указал в угол, где я тут только заметил пару высоких костылей.

Они, эти костыли, объяснили мне поразившую меня сутуловатость, вернее, даже согбенность в высокой фигуре поэта.

- Удивительно, как весна действует на человека, даже на такого старика, как я, - сентенционно заметил Яков Петрович.

Как будто куда-то порываешься, манит тебя, неизвестно зачем, куда-нибудь в лес... Хочется видеть, как бегут, разливаются по лугам ручьи и огромные лужи весенней воды голубеют, отражая небо. И как все это хорошо и красиво! Но здесь, в городе, этого ничего не увидишь. Это я высказал и графу Сергею Дмитриевичу, а он пригласил меня сюда пописать с деревьев в этом саду. Вы видите, я устроился недурно, - указал он рукой на мольберт, где на загрунтованной белой дощечке уже начинали появляться очертания мощных деревьев шереметевского сада.

- Я не знал, что вы и художник, - заметил я.

- Вы хотите сказать - живописец? Это, если хотите, не необходимая принадлежность поэта. Но художником быть он обязан. Какой и поэт, если он не художник, если он не чувствует и не понимает красоты во всем и всюду.

Так началась моя первая беседа с Яковом Петровичем Полонским и продолжалась больше часу. Он снова принялся за свою работу, закулив очень скромную сигару, а я уселся от него поблизости на принесенном из архива стуле, предварительно уверившись, что я не помешаю.

Странное дело, но мне казалось, что я давно знаю поэта, так привлекательный образ его казался мне близким и знакомым. Я смотрел, как он, время от времени взглядывая в окно, водил кистью по начатому этюду, углубленно отдаваясь своей работе, а сам думал: